

18+

Ходоров Семён

Русское зарубежье

2023

Ходоров Семён

Русское зарубежье. 2023

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70014838

ISBN 9785006087903

Аннотация

На примере трёх стран – Италии, Турции и Израиля автор анализирует интеграцию и времяпровождение русскоязычных граждан за рубежом.

Содержание

Семён Ходоров	5
Русское зарубежье	6
ГЛАВА 1	7
Русское Абано Терме	7
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Русское зарубежье 2023

Ходоров Семён

© Ходоров Семён, 2023

ISBN 978-5-0060-8790-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Семён Ходоров

Русское зарубежье

ГЛАВА 1

Русское Абано Терме

Перед тем, как наш авиалайнер коснулся своими шасси посадочной полосы международного аэропорта имени Марко Пола, мы увидели в иллюминаторах живописную венецианскую лагуну. Самолёт приземлился в одном из самых уникальных и очаровательных городов мира, в легендарной Венеции. Уже через час мы оказались не на его приканальных кривых улочках, а в небольшом городке Абано Терме (Италия) в пятидесяти километрах от аэропорта. В принципе, он представлял собой гектары роскошного природного парка, термальные воды, целебные грязи и сервис класса «люкс» санатории.

Главной целебной составляющей курорта являлась термальная вода, насыщенная полезными для организма химическими элементами (в том числе солями йода и брома). Помимо этих ванн, в Абано использовались специальные «созревшие» грязи, которые представляли собой смесь натуральной глины, магматической породы, термальной воды, полезных микроорганизмов и водорослей. Такие грязи оказы-

вали заживляющее, противовоспалительное и болеутоляющее действие, восстанавливали жизненные силы и минеральный баланс организма. По этой причине, Абано Терме считался в Италии одним из самых популярных курортов на Апеннинском полуострове, его ежегодно посещали более 250 тысяч туристов со всего мира.

Собственно поэтому, показалось несколько необычным, что в уникальной и радушной Италии нас повсюду сопровождал «великий, могучий, свободный и правдивый», по словам И. Тургенева, русский язык. Началось с того, что трансфер из аэропорта Венеции в Абано Терме, который я заказывал в Google на английском языке, осуществлял водитель, который свободно говорил на русском. Трудно представить, что за рулём сверкающего «Mercedes Benz» восседал высокий блондин, который родился, не в Москве или в Санкт Петербурге, а в небольшом, мало кому известном, российском городке Артёмовск Красноярской области. Удивительно было слышать, как по мобильной связи бывший сибиряк что-то торопливо обсуждал с диспетчером на певучем языке Леонардо да Винчи и Адриано Челентано.

Три четверти часа шальной езды по итальянскому автобану в непринуждённой беседе с водителем на русском языке пролетели, как одно мгновение.

Следующее его явление представило жгучую стройную брюнетку на «ресепшен» нашего элитного спа-отеля. На стойке регистрации красовалась табличка «Francheska Moretti», которая указывала имя и фамилию итальянской красавицы. Однако парадокс состоял не столько в смуглой прелести администратора отеля и в её романтическом имени, не столько в певучести её голоса, сколько в том, что он звучал на, почти безукоризненно чистом, русском языке. Просто, когда я на своём «little English», вместо приличествующему утреннему времени суток, произнёс «good evening», Франческа тут же определила в моей скромной личности носителя «великого и могучего». Она чётко, величественно разделяя каждый слог, улыбчива пропела:

– Доброе утро, господин. Не будете ли так любезны назвать ваше имя и фамилию.

Оказалась, что чистокровная итальянка Франческа Моретти успешно закончила университет в симпатичном городе Падуя по специальности совсем не форматной для, похожей на сапожок на карте, страны. Она называлась «русская лингвистика». Думаю, что далеко не все россияне знают, что на самом деле означает это двусловие. Фишка, в конечном итоге, состояла в том, что Франческа говорила на русском языке без акцента, вставляя при этом иногда

слова, известные, разве что, только филологам.

Через час после приезда мы появились на завтраке в гостиничном ресторане. Здесь нас поджидал очередной «рояль в кустах». Вместо кустов, правда, за красочными оконными витражами распласталась пышная субтропическая флора. Сюрпризный «рояль» же предстал перед нами в, не лишённом симпатичности, облики стройного и высокого официанта. Он как-то незаметно проявился возле нашего столика, и ненавязчиво, с обворожительной улыбкой, промолвил:

– Доброе утро, господа хорошие! Счастлив приветствовать вас в нашем итальянском отеле «Mioni Pezzato»!

– Откуда у итальянского подданного такой хороший русский язык, – спросил его я, поспешно переводя дыхание в нормальное русло.

– Я, и в самом деле, гражданин Италии, – смеясь ответил официант, которого звали Алекс, – однако, так получилось, что был зачат и даже рождён в бывшем СССР.

Изумившись непростой лексике Алекса, я счёл нужным уточнить:

– И где же произошло это неординарное событие?

– Да вряд ли вы слышали такое географическое название, как Унгены. Кого не спросишь, никто не знает.

– А что, если я скажу, что этот небольшой городок

находится в близости к румынской границе на левом берегу реки Прут в западной части страны, которая сегодня называется Молдова.

Трудно было не заметить, как моя краткая географическая справка повергла Алекса в состояние, называемое русским словом «ступор». Он едва нашёл в себе силы вымолвить:

– На моей бывшей родине (СССР), наверное, сотни тысяч городков. Просто интересно, откуда вы можете знать все их названия.

– Я совсем не волшебник, Алекс, – иронически улыбнулся я, – просто так получилось, что мне довелось провести непростую ночь в твоих Унгенах.

Я рассказал ему, как более сорока лет назад вместе с коллегой возвращался из командировки на поезде Кишинёв – Ивано-Франковск. Так сложилось, что перед отъездом мы не успели пообедать. Отъехав от молдавской столицы на сто километров, через несколько часов состав прибыл на, неизвестную мне в тот момент, станцию Унгены. Проводница объявила, что стоянка поезда сорок пять минут. Удивившись столь длительной остановке, мы с сотрудником заметили на небольшом привокзальном сооружении вывеску «ресторан». Опрометчиво решив, что три четверти часа вполне достаточно для перекуса, мы заняли место за столиком, покрытым, в отличии от выше-

означенной гостиницы «Mioni Pezzato», далеко не белоснежной скатертью. Дальше – хуже, прошло не менее четверти часа, пока нерасторопная официантка приняла заказ. Когда же она доставила нам слегка пригоревшие котлеты с холодной картошкой-пюре и неизменным компотом из ревеня, до отхода нашего «курьерского» состава оставались считанные минуты. Заметив, что мы собираемся покинуть заведение привокзального общепита, она весело прощebetала:

– Да вы, мальчики, не волнуйтесь, не уйдёт без вас поезд. Видите, за соседним столиком обедает паровозная бригада, один из них – машинист вашего пассажирского эшелона. Их выход из-за стола будет означать, что и вам пора вставать.

Обрадовавшись словам официантки, мы не спеша поглощали привокзальный ленч, добавив к нему вместо компота по бокалу, не самого лучшего в мире, молдавского пива. Закончили нашу трапезу аккуратно в момент, когда паровозный экипаж поднялся из-за стола. Вместе с ним, как рекомендовала официантка, и мы покинули станционный трактир. Каково же было наше неподдельное удивление, когда увидели, что «паровозники» садятся в поезд, который стоял на другой платформе, совсем не на той, где был наш состав. Это было нисколько не смешно, когда оказалось, что поезд давно укатил в сторону нашего дома. Выясни-

лось, что официантка всё перепутала, подумав, что мы вышли из дизеля, который двигался в противоположном направлении, в сторону Кишинёва, откуда мы, собственно, и приехали. Следующий поезд на Ивано-Франковск должен был отойти только утром. Пришлось провести, не очень-то и познавательную, экскурсию по унылому, с первого взгляда, городку Унгены. В нём, кроме церкви святого Александра Невского и святого Николая, ничего, интересного, по крайней мере для нас, не обнаружилось. Хотя, уже позже, нам сказали, что железнодорожный мост через реку Прут, на котором мы стояли, спроектировал не кто иной, как сам Гюстав Эйфель, автор всемирно известной башни в Париже.

Когда я закончил свой некороткий рассказ, Алекс захлопал в ладоши, добавив при этом:

– Спасибо, что рассказали мне о месте, где я родился. Я ведь ничего это не знал: родители привезли меня в Италию, когда мне было только два с половиной года.

Следующий парадокс в череде русской словесности поджидал нас в номере, в который мы вернулись из ресторана. Он являл собой горничную, которая принесла нам халаты для посещения термальных бассейнов и процедурных кабинетов. Белокурая девушка приятной наружности без надлежащих преам-

бул улыбчиво промолвила:

– Здравствуйте, люди добрые! С приездом в солнечную Италию!

– Здравствуйте, сеньорита, – не без удивления пробасил я, – позвольте узнать, как вы опознали в нас носителей русского языка.

– Да у вас на тумбочке я увидела книгу Дины Рубиной «Эмиграция, тень у огня». Честно говоря, впервые слышу имя этой писательницы, но, когда прочла аннотацию к этому роману (вы уж извините, что без спроса вторглась в вашу частную собственность), поняла – эта книга обо мне.

В качестве ремарки отмечу, что в предисловии к этому роману, которое успела прочитать горничная, было сказано, что «родину покидают не просто так, – это огромное испытание для характера, слом и сдвиг судьбы, вызов, который человек бросает и самому себе и миру».

Понятно, что прочитанное имело прямое отношение к новой жительнице Италии. Возможно поэтому, я протянул девушке книгу со словами:

– Не знаю, как вас зовут, но возьмите эту книгу, думаю за три дня осилите.

– Ой, grazie (спасибо) вам. А моё старорусское имя, вы просто не обратили внимание, написано на бейджике халата.

Действительно, на голубоватой табличке горничной розовыми буквами была начертано «Darya». Я не сразу догадался, что это соответствует славянскому имени Дарья. Пока я раздумывал об его гносеологических корнях, словоохотливая Даша рассказала, что родилась в небольшом городке с благочестивым названием Сергеев Посад, который входит в «восьмёрку» достопримечательностей Золотого кольца России. Оказалось, что, там, в небольшое кафе с несуразным названием «Брынза», где она работала официанткой, поистине неисповедимыми путями забрёл итальянский турист. В тот день солянка, гречка с грибами в сливочном соусе, жареная сёмга в икорном соусе и пельмени понравились ему не меньше, чем стройная блондинка Даша. Кончилось тем, что уже через год они поженились, и теперь она работает в Абано Терме в том же отеле «Mioni Pezzato», где её благоверный служит в должности портье.

Вот так, и не больше, и не меньше: просто в одно и тоже солнечное итальянское утро мы встретились с четырьмя носителями русского языка, которые, независимо друг от друга, не сговариваясь, обрели новую родину на благодатном и живописном Апеннинском полуострове. В этом ракурсе я, правда совсем немножко, обижаюсь на Моисея, который, согласно Танаха (Исход), в течение сорока лет вёл свой

народ через Синайскую пустыню на Землю Обетованную в Израиль, где я в настоящий момент и проживаю. Ведь мог же, наверное, каким-то образом, через Средиземное море доставить их в место, где сейчас находится

удивительная Италия. Ведь именно там старинные раскопки Рима, очаровывающая романтика Венеции, холмистая панорама Тосканы, южные склоны Альп, чудесная природа, солнце и море вокруг Сицилии. Именно там переплелись история и современность, различные эпохи и богатое культурное наследие, традиции и самобытность. Справедливости ради, и Израиль – страна с уникальным географическим и историческим положением. В её северной части в осенне-зимнее время – заснеженные горы, немного южнее, единственное в своём роде, на 200 метров ниже уровня моря, озеро Кинерет, исцеляющий, только уже с отрицательной высотой более, чем 400 метров, подарок природы – Мёртвое море. Вдобавок к нему, страна омывается ещё и экзотическими морями: Средиземным и Красным. А упрекнул я еврейского пророка Моисея потому, что в отличие от Италии, он выбрал страну для исхода, в которой около 60% территории занимают пустыни.

Читатель заблуждается, если подумал, что этим днём русскоязычное благозвучие закончилось. Одна-

ко всё по порядку. Пребывание в спа-отеле всегда предусматривает посещение врача, который, в зависимости от вашего здоровья, назначает соответствующие лечебные процедуры. Вот тут чуда не произошло: доктором оказалась, похожая на Софи Лорен, привлекательная и элегантная итальянка, которая, как мне уже показалось странным, на русском языке не говорила. Тем не менее, в соответствии с регламентом лечебной части отеля, мне следовало рассказать обо всех своих недугах, которых, к сожалению, у меня накопилось не так мало. Однако итальянским языком я не владел. Возможно, не все люди моего пенсионного возраста знают, что в наш век современных продвинутых технологий вовсе не обязательно владеть иностранными языками. В приложениях своего смартфона я набирал текст на русском языке, который мгновенно переводился на итальянский. В ответ симпатичный доктор писала фразы на своём родном языке, которые я видел в уже, понятном мне, переводе. Суть, однако, состояла не в этом. Просто одной из назначенных мне процедур являлся лечебный массаж, который уже после обеда проводила приятная русоволосая, средних лет женщина. Не успел я подумать, что она совсем не похожа на итальянскую сеньору, как услышал на родном языке:

– Здравствуйте, меня зовут Людмила. Расскажите

мне, пожалуйста, о своих проблемах в опорно-двигательном аппарате, чтобы я знала на какие мышцы надо обратить особое внимание.

В процессе приятно-расслабляющего релакса я успел узнать, что Людмила родилась и четверть века прожила в Минске. После окончания института она всего год проработала инженером в международной инновационной компании Альфа Орион Центр, которая занималась полным циклом создания, разработки и производства беспилотных летательных аппаратов. Достичь карьерного успеха в этой области Людмиле помешал итальянский специалист, который приехал консультировать по монтажу и регулировке оборудования фирмы. За два месяца проживания в столице Беларуси он успел не только попросить руку у белокурой красивой девушки, а и перевезти её в Абано Терме, где она и находилась в данный момент. В термальной столице Италии не производили летательных аппаратов, и муж убедил её закончить курсы массажистов. Трудно было назвать её новую работу соответствием, полученного в Минске, образования. Однако она привыкла к новому профилю деятельности и стала даже находить в нём своеобразное моральное удовлетворение.

В завершении своего русскоязычно обзора я обязан рассказать, что вечером мы с женой зашли в кафе,

чтобы отведа́ть вкуснейшее итальянское мороженое. К нам подошла небольшого роста, пышных форм, молодая черноволосая официантка. Она что-то сказала нам по-итальянски: видимо, просто спросила, что мы будем заказывать. Пока моя жена выстраивала английскую фразу, я успел заметить, что на халатике девушки было написано её имя: «Orusia». Сочетание букв подсказывало мне слово «россия». Поэтому я, без всяких стеснений, уже адаптированный к тому, что в Абано Терме существует «колония» моих бывших соотечественников, осмелился спросить на русском языке:

– Простите, девушка за бестактность, это правда, что вас зовут Россия?

По окончанию моей фразы небольшой подносик выпал из рук милой официантки, она с каким-то недоверчивым изумлением уставилась на меня, пока не нашла в себе силы промолвить:

– Нет, зовут меня простым украинским именем – Орыся.

Когда она узнала, что мы с женой проживаем в Израиле, и приехали туда с западноукраинского города Львова, то весело прощebetала:

– Вы, наверное, знаете, что во львовской области есть город Трускавец, в котором я родилась. Землякам – мороженое за счёт заведения.

Когда на прощание я, уже на украинском языке, пожелав Орысе удачи, сказал:

– Если уж так получилось, что вы оказались на благодатной итальянской земле, сделайте всё возможное, чтобы остаться здесь, – меня поразило, что она, не без грусти в голосе, проговорила:

– Я бы очень хотела жить в этой приветливой и красивой стране, но я должна быть среди своего народа, где я являюсь, как минимум, предводительницей четвёртого поколения.

Итоги первого дня пребывания в Абано Терме хотелось бы завершить, почерпнутыми из паутин Интернета, сведениями о количестве русскоязычных жителей в различных странах. Например, в США проживают более трёх миллионов, что составляет примерно 1% населения страны. В Израиле – русскоязычных граждан более 20% (два миллиона человек). В Германии около 10% населения составляет русская диаспора. При всём этом, мне казалось, что в Италии чуть ли не каждый второй говорит на русском языке. На проверку выяснилось, что их оказалось всего 38 448 человек, что составляет всего 0,73% от общей численности населения.

Однако, когда на второй день пребывания в Италии мы окунулись в роскошные термальные бассейны, составляющие основную часть спа-терапии отеля,

то и там во многих местах звучала русская речь. Только она исходила уже от гостей, большая часть которых не в первый раз прибывала в эту гостиницу. Их можно было условно разделить на три русскоязычные группы: первая осуществила многочасовой перелёт с американского континента (США, Канада), вторая, транзитом через Турцию, прилетела из России и, наконец, третья представляла собой жителей Святой Земли (Израиль).

Но обо всём по порядку. Вначале мы услышали, как одна импозантная дама говорит другой, яркой внешности которой позавидовали бы комедийные актрисы Голливуда (привожу фразу дословно):

– Ты знаешь, Соня, нашим Америкам далеко до Италии. Ты не представляешь, какая здесь обувь. Я уже приобрела три пары босоножек. Думаю это ещё не предел моих возможностей.

Та миссис, которая меньше походила на голливудскую звезду, вторила ей:

– А ты, Ася, не обратила внимания на прелестные сумочки. Я тоже купила три штуки.

Когда моя жена присоединилась к беседе заокеанских русских дам, выяснилось, что и Соня, и Ася проживают в нью-йоркском районе Бруклин и что учились они в одном классе в, не совсем стольном, граде с звучным именем Черновицы. А ещё обнаружилось,

что подруги посвящают шопингу намного больше времени, чем термальному лечению. Зато их мужья, Илья и Миша, в полной мере использовали санаторный релакс: один из них попал в аварию, получив перелом позвоночника, а другой, был после операции на суставах. Вечером в гостиничном баре, после бокала добротного итальянского вина, я узнал, что Илья работает инженером в метрополитене Нью-Йорка, а Миша — начальником цеха на одном из заводов Нью-Джерси. Ася окончила музыкальное училище ещё в Черновцах и давала частные уроки американским тинэйджерам. А Соня училась на факультете русской филологии в старейшем университете города Львова и, кто бы поверил, преподавала русский язык в одном из колледжей Нью Йорка. Тем самым они вносили свою лепту в успешную реализацию «американской мечты», записанной почти три века назад в Декларации Независимости.

После второго бокала вина, Ася и Миша рассказали мне, не очень—то и жизнерадостную, историю о своём сорокалетнем сыне. Когда они из, ещё советской тогда, Украины эмигрировали в Нью-Йорк, кто-то из старожилос посоветовал им не отдавать, маленького сына в городскую бруклинскую школу, мотивировав это, царившими там беспорядками, хулиганством и другими неурядицами. Вот и получилось,

что он попал в религиозное еврейское учебное заведение, в котором, взамен бестолковщины и бедлама, преобладавшим в лицее бедного района Бруклина, получил благопристойное ортодоксальное образование. Понятно, что там дети не только учились воспринимать мир глазами и умом их учителей-раввинов, а и усердно молились: при этом их ограничивали в свободе передвижения и воспитывали так, чтобы они всегда находились внутри общины. Затем, как и большинство выпускников, уже подросток чадо поступило в йешиву (так принято называть еврейский «вуз»). Там он изучал Талмуд, Тору, учился толкованию священных иудейских текстов. Таким образом, юноша стал хасидом, сторонником религиозного ортодоксального течения в иудаизме. Его обучили, что единственным способом сохранить веру во Всевышнего является изоляция от внешнего мира; убедили, что иудеи должны объединить весь мир и построить в нём божье царство.

После женитьбы на ортодоксальной еврейке у сына Аси и Миши, практически один за одним, как это принято у хасидов, родились трое детей. Через некоторое время новая семья переехала из Бруклина в Иерусалим. Чуть позже сын украинских эмигрантов развёлся с женой, что в хасидских семьях считалось, из ряда вон выходящим, событием и происходило крайне

редко. В итоге, когда светские Ася и Миша прилетают к сыну в Израиль, то попадают в странную, непривычную им, обстановку ортодоксального иудаизма. К тому же, они напрочь лишены возможности общаться с родными внуками, которые, не зная ни русского, ни английского, разговаривают только на иврите и на идиш, языках, неведомых их бабушке и дедушке.

Что же касается Сони, произошло не столько русское, сколько американское чудо. Если она с большим трудом нашла работу по специальности в родных Черновцах, то практически сразу получила места преподавателя русского языка в нью-йоркском колледже. Кто же мог подумать, что ещё в 1961 году в США включили язык Льва Толстого в школьную программу и в факультатив высших учебных заведений, в которых чуть позже были созданы кафедры русского языка. Сегодня набор студентов на них растёт с каждым годом. Часть из них изучают язык Пушкина и Чехова с целью познания прекрасной русской литературы или чтобы в дальнейшем налаживать коммерческие связи с Россией, а другие, вполне возможно, чтобы лучше узнать потенциального врага. Как бы то ни было, но многие политики полагают, что в текущий момент некоторая опасность для популярности русского языка исходит от его собственных носителей. Но в любом случае, Соня оказалась в Америке дееспособ-

собной, благодаря тому, что «великий могучий» был не только её родным языком, а и важным компонентом профессии, которой она обучалась в СССР.

Ещё одно «бассейновое» знакомство с русскоязычными постояльцами отеля также состоялось в фаватере термальных вод отеля. На этот раз это была «бальзаковская», неопределённого возраста, напоминающая «бизнесвумен», дама. При знакомстве с ней выяснилось, что Клара, и на самом деле, была предпринимательницей. Так сложилось, что её, уроженку провинциального Бобруйска, первокурсницу стоматологического факультета Витебского медицинского института, сионистски настроенные родители вывезли в Израиль. Детской мечте присоединиться к «людям в белых халатах» не суждено было сбыться. Но ей предназначено было воплотиться в жизнь в несколько опосредственной форме. Молодая двадцатилетняя девушка, ещё не выучив иврит, сумела найти среди врачей -репатриантов из бывшего СССР таких дантистов, от зубов которых в то время отскакивал только русский язык. Она отобрала, на её взгляд, самых достойных (11 докторов) и открыла свою клинику, владелицей которой являлась девять лет. Кларе пришлось закрыть свой бизнес по весьма веской причине: в здание амбулатории попала палестинская ракета. Возможно, потому, что Израиль находится ближе

к Всевышнему, чем другие страны, взрыв произошёл ночью, когда в клинике никого не было, кроме, погибшей тогда, любимицы всех врачей, овчарки Бэлла. Часто продолжающиеся ракетные атаки террористов надоумили Клару покинуть, горячо любимый, Израиль. Третьим её домом, после белорусского Бобруйска и израильского Ашкелона, стал известный канадский город Торонто. Не прошло и полугода после переезда, как Клара открыла в нём небольшое кафе. Наблюдательная девушка обратила внимание, что канадцы больше любят наслаждаться капучино или эспрессо не у себя дома, а вблизи него. Оказалось, что возле здания, где она обрела жильё, в радиусе полкилометра не было ни одного кофейного заведения. Уже через несколько месяцев, открытое Кларой кафе, стало приносить доход. Особой популярностью у канадцев пользовались белорусские беляши и нежные пирожные, изготовленный по рецептам её бабушки Ривки. Так сложилось, что через год после открытия кафе туда зашёл представительный мужчина, который слово «кофе» произносил не с окончанием на звук «и», как принято у носителей английского языка, а на «е». Это выдавало в нём знатока русского языка, который также оказался выходцем из Белоруссии, только не из Бобруйска, а из Барановичей. Этот факт позволил найти Феликсу (так звали незнакомца) и Кла-

ре не только общие корни в родстве, а и выстроить новое коммерческое направление. Им оказалось, ни больше, ни меньше, алмазно-бриллиантовое производство, в котором процветал бизнес нового знакомого: он же являлся владельцем акций одной из компаний в ЮАР. Феликс объяснил Кларе, что алмазное производство делится на три основные стадии: добыча, обработка и изготовление ювелирных украшений, а также сбыт и розничная торговля. Последним, учуяв в ней коммерческую жилу, Феликс и предложил заняться Кларе, представив под её начало один из ювелирных магазинов Торонто. Уже через полтора года бывшей жительницей Бобруйска в крупнейшем городе Канады была организована сеть магазинов по продаже алмазных изделий. Никому из многочисленных покупателей и в голову не приходило, что хозяйка этого сетевого алмазного сбыта говорит на русском языке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.